

ДЕМОГРАФИЯ СИБИРСКИХ НЕНЦЕВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В статье рассматриваются динамика численности и демографические характеристики сибирских ненцев в первой трети XX в. Показаны становление учета кочевого населения и влияние на статистику традиционного образа жизни и представлений о человеке, времени, семье, языковых различий и отношений с русскими. Рассчитанные демографические показатели свидетельствуют о простом воспроизводстве поколений и отсутствии вымирания. На основании анализа данных переписей и землеустроительных экспедиций доказывается, что фиксируемый высокий абсолютный прирост является результатом уточнения численности, а также ассимиляционных процессов.

Ключевые слова: этнодемография, этнография, самоеды, ненцы, лесные ненцы, ямальские ненцы, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ямал, Приполярная перепись, демографические процессы.

На протяжении XVII – начала XX в. сведения о народах Севера собирали главным образом инородные управы в фискальных целях. К выходу инородцев к пунктам уплаты ясака приурочивались мероприятия Всероссийской переписи населения 1897 г., в ходе которой впервые использовались научные принципы учета (всеобщность, самоопределение, поименность и др.). После окончания гражданской войны практические задачи административно-территориального, судебного, культурного и хозяйственно-экономического переустройства в северных районах настойчиво требовали организации статистики на научной основе для получения достоверных, полных и разнообразных сведений о «сибирских инородцах».

В рассматриваемый период в центре внимания исследователей по-прежнему оставалась проблема прироста коренных народов Сибири, поднятая в дореволюционной литературе. Если в конце XIX – начале XX в. они характеризовались как нежизнеспособные и находящиеся на грани вымирания или «медленного угасания» [Якобий, 1893; Патканов, 1911а; Дунин-Горкавич, 1995; Ядринцев, 2000], то в первой трети XX в. увеличение их численности заставило некоторых авторов прийти к выводу, что данный вопрос был надуман си-

бирскими областниками «с целью обратить внимание правительства на туземцев» [Плотников, 1925, с. 25].

Анализируя материалы Приполярной переписи по трем категориям населения: русским, оседлым и кочевым «туземным» народам, П.Е. Терлецкий указывал на падение рождаемости и рост смертности с усложнением бытовых условий, что, по его мнению, «создает определенный порядок в приросте населения; русское, более культурное население, ведущее оседлый образ жизни, имеет вполне благополучный прирост; оседлые туземцы со значительно пониженным культурным уровнем дают меньший прирост и, наконец, кочевое население, находящееся в отношении рождаемости и смертности в чрезвычайно неблагоприятных условиях, дает весьма скромный коэффициент рождаемости, высокую смертность и чрезвычайно низкий естественный прирост...» [1932, с. 48]. Вместе с тем приводимые им данные о ненцах, которые являются кочевниками, не укладываются в это положение и демонстрируют высокие показатели рождаемости и низкие – смертности [Там же, с. 50, 53, 60]. Результаты экспедиционных исследований медицинских и этнографических отрядов на Обдорском Севере в 1920-х гг. также свидетельствовали об

отсутствии вырождения и наличии небольшого прироста или равновесия (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 687. Оп. 3. Д. 51. Л. 223 об.; Ф. 695. Оп. 1. Д. 78. Л. 96). Представленный в настоящей работе анализ данных о распределении возрастных групп, числе детей в семьях с использованием методов демографии позволяет выявить демографические тенденции среди сибирских ненцев в первой трети XX в. и объяснить обнаруженное противоречие. Географические рамки исследования включают территорию современного проживания сибирских ненцев в административных границах Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской обл. В 1924–1930 гг. она относилась к Обдорскому р-ну Тобольского окр. Уральской обл.

Источники. Демографические характеристики получены из опубликованных материалов Всесоюзной переписи 1926 г. [1928] и организованной в ее рамках Приполярной переписи [Список..., 1928], дополненных первичными. К последним относятся похозяйственные карточки Приполярной переписи (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 690. Оп. 1. Д. 49, 54), похозяйственные бланки и карточки североуростроительных экспедиций (ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56, 90, 91, 128, 135): Ямальской 1932–1933 гг. (580 бланков), Надымской 1933–1934 гг. (221 похозяйственная карточка) и Тазовско-Пуровской 1934–1935 гг. (327 карточек).

Численность сибирских ненцев. Особенности фискальной системы, привязанной к пунктам уплаты ясака, кочевой образ жизни (по Уставу 1822 г. самоеды были отнесены к бродячим инородцам), проживание в труднодоступных районах, самодостаточный характер оленеводческого хозяйства обуславливали систематический недоучет ненцев, влиявший на изменения их численности и дополнявшийся в отдельные годы действием эпидемических заболеваний. Зимой 1897 г. переписью были охвачены прежде всего старшины самоедских ватаг и самоеды, лично явившиеся для уплаты ясака в инородные управы. Общая их численность, по расчетам С. Патканова на основании сведений о родном языке, составила 4 431 чел. [1911б, с. 26].

Инородные управы, в ведении которых находились сибирские ненцы в течение 300 лет, упразднили только в начале 1920 г. Вместо них был «образован инородческий отдел при исполкоме (Тюменский губисполком. – **Е.В.**) с двумя назначенными в него администрацией лицами» [Судьбы..., 1994, с. 63]. С созданием Обдорского р-на в конце 1923 г. вопросы, связанные с кочевниками, решал инородческий подотдел при Обдорском райисполкоме, одна из важных задач которого заключалась в их регистрации для сбора сельскохозяйственного налога, заменившего ясак [Там же, с. 84].

Согласно «Временному положению об управлении туземных племен на северных окраинах Тобольского округа», принятому в 1925 г., учет кочевого населения

должны были осуществлять родовые советы. Они сохранили за собой эту функцию с переходом в 1926 г. на «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» [Там же, с. 101, 114]. В 1926–1927 гг. были организованы Уральский, Тазовский и Ямальский туземные кочевые советы, из которых без перерывов в работе существовал только последний. Причинами этого являлись слабая обеспеченность материальными и транспортными средствами, низкая заработная плата и тяжелые бытовые условия (ГАСПИТО. Ф. 105. Оп. 1. Д. 8. Л. 127). В частности, Уральский туземный совет длительное время не мог приступить к работе из-за отсутствия секретаря и средств передвижения (Там же. Л. 127).

Показателем работы кочевых советов является следующий факт. Если за год существования (1926–1927 гг.) оседлые туземные советы взяли на учет все население, проживавшее на их территории, то кочевыми были учтены только «около 25 хозяйств с количеством до 90 душ обоего пола...» [Судьбы..., 1994, с. 135]. Для переписи кочевого населения Ямальский кочевой туземный совет был вынужден прибегнуть к принудительным мерам. Факториям, находившимся на его территории, некоторое время не разрешалось торговать с самоедами ямальской тундры, не имевшими справки от совета о постановке их на учет [Там же, с. 144]. В 1928 г. Ямальским ТузРИКом был освоен только Южный Ямал до р. Юрибей. Ненцы, кочевавшие севернее, его не знали и не признавали [Евладов, 1992, с. 216].

Регистрация коренного населения осложнялась его отрицательным отношением к каким-либо переписям вообще из-за боязни, что «русские, наверное, их будут брать в солдаты, отбирать у них детей и отдавать в школы...» [Судьбы..., 1994, с. 143] (см. также: ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 2). Ненцы на общем собрании, проходившем в апреле 1927 г. в местности Хадытта ямальской тундры, отказывались переписываться, объясняя это так: «Во-первых: когда приезжал товарищ по Всесоюзной переписи, то говорил, что больше вас никто переписывать не будет... и второе: главная их причина... что когда все инородческое нацменовское население об этом узнает и согласится, тогда согласимся и мы...» [Там же, с. 128].

В процессе развертывания советского строительства на Севере, складывания аппарата управления в 1930-х гг. практически отсутствовали контакты с кочевым населением, что не могло не отражаться на статистических данных. В это время отмечаются сложные взаимоотношения ненцев и русских в связи с коллективизацией, раскулачиванием, лишением избирательных прав, организацией новых советов, открытием факторий и т.д. Все проводимые мероприятия резко противоречили традиционному укладу

жизни кочевников, которые не хотели с этим мириться. Их недовольство проявлялось в различных формах: срывались собрания и выборы, скрывались имена и фамилии, состав семьи, поголовье оленей. Иногда возмущения перерастали в вооруженные столкновения, наиболее крупное из которых получило название Мандалада [Петрова, 1998, с. 102; Алексеева, 2005, с. 111–118]. Не случайно в отчетах Ямальского окружного статистического управления этого времени подчеркивалось, что данные о кочевниках носят ориентировочный характер (ГАЯНАО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 2), а в делопроизводственных документах наблюдаются расхождения в цифрах [Отчет..., 1935, с. 7] (ГАСПИТО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 258. Л. 3–8; ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 189. Л. 124). В сложившихся условиях единственным официальным источником информации о численности ненцев до 1939 г. служили материалы Приполярной переписи.

В 1926 г. в целях максимального учета кочевников впервые были организованы специальные экспедиции в районы их традиционных сезонных кочевок (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 1. Л. 3 об.); переписные листы заполнялись при непосредственном общении с людьми; предусматривались контрольные мероприятия для выявления доли недоучтенного населения. Обдорских самоедов переписывали члены нескольких отрядов (Ямальского, Тазовского, Надымо-Полуйского и Сыне-Куноватского), работавших на территории Обдорского р-на (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 3). Из-за болезни регистратора, труднодоступности мест проживания и ограниченности средств сведения о лесных ненцах записали со слов родовых старшин в Норэ и Сургуте [Список..., 1928, с. 210–211] (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 6 об.). Данные о гыданских ненцах Обдорского р-на были получены главным образом регистратором IV переписного участка в Дудинской волости Туруханского р-на [Туруханская экспедиция..., 2005, с. 129, 343–348].

В целом перепись 1926–1927 гг. прошла на высоком для того времени уровне; не было зарегистрировано только 115–140 самоедских хозяйств, что составляет примерно 575–700 чел., или 7,7–9,4 % от общей численности учтенного населения, при среднем размере хозяйства 5 чел.* Так, по сообщениям Тазовского отряда, им были пропущены «не более двух или трех десятков хозяйств» низовых самоедов (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 6–7). В отношении лесных и ямальских ненцев выражалось опасение, что не учтены соответственно 15–30 (Там же. Л. 6 об.) и ок. 80 (Там же. Л. 7) хозяйств. Для устранения пропусков три отряда Обдорского ветеринарного бактериологического института, отправленные на работы

летом 1927 г. на Ямал, Северный Урал и в бассейн р. Таза, получили бланки и удостоверения для регистрации кочевников, по той или иной причине не прошедших ее ранее (Там же. Л. 12). Дополнительную перепись в Тазовском р-не обязали провести секретаря Тазовского сельского совета (Там же). Переписными бланками были снабжены руководимые Л.В. Костиковым и В.Н. Городковым экспедиционные отряды Академии наук, направлявшиеся в гыданскую тундру [Туруханская экспедиция..., 2005, с. 134] (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 12). Полученные данные корректировались последующими экспедициями В.П. Евладова [1992], В.Н. Скалона [1931], Г.Д. Вербова [1936], А. Куриловича [1934].

Проведение Приполярной переписи в районах проживания обдорских ненцев заняло около семи месяцев вместо предполагаемых четырех. Работы, планировавшиеся в 1926 г. «в пределах от начала декабря до конца марта», вынуждены были начать уже в ноябре для регистрации зырян и зырянских самоедов около селения Лабытнанги и продолжать до начала апреля, а на Ямале – до начала мая 1927 г. (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 1. Л. 2.; Т. 4. Л. 4, 8 об.). Участникам северостроительных экспедиций 1930-х гг. приходилось собирать сведения в течение года. Ими в первую очередь переписывались семьи, кочевавшие около факторий и приезжавшие за товарами и продуктами. В 1939 г. в районах Крайнего Севера Омской обл. перепись проходила в течение 183 дней [Подъячих, 1957, с. 115].

Установление численности ненцев усложнялось наличием разных территориальных групп в их составе, а также групп смешанного происхождения. Регистраторам в 1926 г. предписывалось решать вопрос о национальности «по самоопределению и этническим признакам» (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 1. Л. 105). В материалах Приполярной переписи в графе «Племя» встречаются наименования: самоеды, ямальские, каменные, низовые, лесные самоеды, юраки. Согласно инструкции, «каменная», «низовая» и «лесная» группы должны были соответствовать отдельным племенам, отличающимся по лингвистическому признаку (Там же). На основании этнических показателей были выявлены смешанные группы остяко-самоедов, большинство которых считало родным языком самоедский, и самоедов-зырян, относившихся к зырянской языковой группе [Список..., 1928, с. 164–165].

Приполярная перепись отразила сложный этнический состав населения Обдорского р-на. При подведении итогов некоторые смешанные группы прибавили к более многочисленным, что привело к различиям в данных разных источников. В результате похозяйственного подсчета к самоедам были отнесены самоеды-зыряне, остяко-самоеды и юраки [Список..., 1928, с. IV, XXXIV] (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 184.

*Данный показатель приводится в отчетах первой трети XX в. (ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 189. Л. 24 об.).

Л. 85). В материалах Всесоюзной переписи две последние группы рассматривались отдельно [Всесоюзная перепись..., 1928, с. 104]. Подробная этническая структура кочевого населения Обдорского р-на представлена в «Списке населенных пунктов Уральской области» [1928] (табл. 1).

Расхождения в количественных данных в источниках рассматриваемого периода связаны с использованием разных единиц учета (человек или хозяйство) и категорий населения (наличное или постоянное), выбранным временем года, продолжительностью переписных работ и охваченной ими территорией. В ходе Приполярной переписи 1926–1927 гг. проводился похозяйственный опрос. Всесоюзные переписи населения учитывали каждого человека отдельно.

В 1926 г. разность между опубликованными данными Приполярной и Всесоюзной переписей в Обдорском р-не составила 532 чел. в пользу последней. При этом в первом случае все члены семьи относились к национальности ее главы, а во втором – учитывалась национальность каждого отдельно. Несмотря на отмечаемую значительную метисацию среди населения Севера [Список..., 1928, с. IV], похозяйственная перепись показала число самоедов меньше, чем демографическая, – соответственно 7 462 чел. (в 1 385 самоедских хозяйствах) [Там же, с. XXXIV] и 7 994 чел. [Всесоюзная перепись..., 1928, с. 292]. По данным ЦСУ учитывалось наличное население, в т.ч. принадлежавшее к другим административным областям, но на момент переписи находившееся на территории Обдорского р-на [Список..., 1928, с. IV]. В результате в состав обдорских самоедов были включены самоеды из Коми АО и Туруханского края, а также лесные (509 чел.) Сургутского р-на.

В 1930-х гг., несмотря на официальное введение самоназвания «ненец» с образованием Ямальского (Ненецкого) национального округа, в документах по-прежнему использовалось старое наименование «самоед». Для лесных ненцев, считавшихся особым племенем, применялись названия, заимствованные у тундровых ненцев, – «пьян-хасово» или «пяки».

Общая численность ненцев на территории Ямало-Ненецкого окр. в первой половине 1930-х гг., по данным землеустроительных экспедиций, не превышала 9 000 чел., а согласно материалам Всесоюзной переписи 1939 г., их уже было 13 454 чел. Приведенные выше примеры показывают, что эта цифра является результатом уточнения численности и упрощения этнической структуры народов Севера, в т.ч. и вследствие замены старых названий на самоназвание. Последнее привело к тому, что к ненцам в большинстве случаев оказались причислены остяко-самоеды, самоеды-зыряне, юраки, прежде учитывавшиеся отдельно. В этнографической литературе они рассматриваются в качестве ненецких родов хантыйского, энецкого про-

Таблица 1. Численность и национальный состав кочевого населения Обдорского р-на по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг.*

Географический район	Число хозяйств	Кол-во человек в них	Национальный состав, % от общей численности населения													
			Самоеды	Остяки	Остяко-самоеды	Зыряне	Самоеды-зыряне	Русские	Лесные самоеды	Юраки	Волулы-зыряне	Остяко-зыряне	Остяки енисейские			
П-ов Ямал	612	3 233	91,5	0,1	8,4	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Пески	218	1 081	59,8	7,8	27,6	2,9	1,6	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Гыданско-Газовский подрайон	411	2 540	68,3	0,3	21,0	–	–	0,7	–	–	–	–	–	–	–	1,6
Северная оконечность восточной стороны Уральского хребта	388	2 024	31,7	16,7	3,6	30,7	16,1	–	–	–	–	–	–	0,7	0,5	–
Кушеватовский с/с	18	89	–	94,4	–	5,6	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого**	1 647	8 967	66,7 (5 981)	5,7 (509)	13,2 (1 186)	7,3 (658)	3,8 (342)	0,2 (18)	–	–	–	–	–	0,2 (14)	0,1 (9)	0,5 (41)

*Составлено по: [Список..., 1928, с. 164–165].

**В скобках указано абсолютное количество.

исхождения и европейских ненцев в Сибири [Вербов, 1939; Долгих, 1970; Васильев, 1979]. Поэтому высокий абсолютный прирост сибирских ненцев между переписями 1897, 1926 и 1939 гг. (свыше 5 000 чел.) является итогом отмеченных выше процессов (рис. 1).

Демографические характеристики сибирских ненцев в первой трети XX в. Сравнительный анализ первичных документов показывает, что полному и достоверному учету ненцев препятствовала система их традиционных представлений, связанных с именем и возрастом человека, рождением, смертью и заключением брака. Все они подробно рассмотрены в этнографических работах [Терещенко, 1966, 1967; Хомич, 1976; Сусой, 1994]. Непонимание и незнание специфики традиционной ненецкой культуры регистраторами приводило иногда к отсутствию, неполноте или недостоверности демографической информации.

Согласно традиционным правилам, у ненцев один и тот же человек мог иметь три имени: по предку (его употребление ограничивалось), прозвище, дававшееся по обстоятельствам рождения, и русское [Хомич, 1976, с. 17]. Отличительные черты традиционной антропоники нашли отражение только в адресной части переписного листа, разработанного для Приполярной переписи, где указывались русский и «туземный» варианты фамилии, имени, отчество и прозвище. Опасаясь преувеличения численности кочевого населения за счет переписи одного и того же человека два и более раза, в т.ч. из-за наличия нескольких имен, всем, прошедшим регистрацию, выдавали удостоверения (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 4. Л. 7).

У ненцев роль фамилии выполняло название рода, к которому принадлежал глава хозяйства. Ненецкая

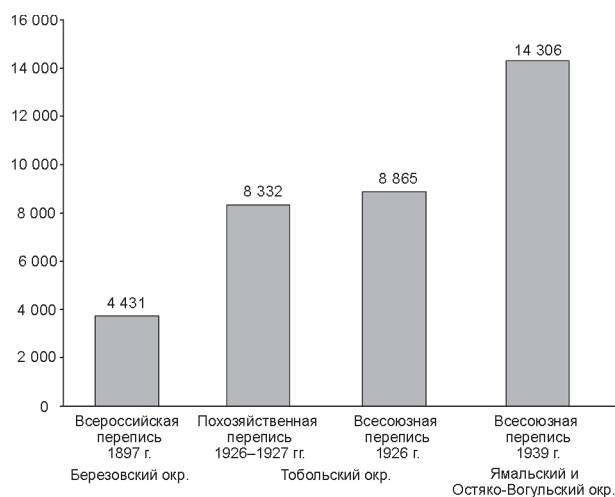

Рис. 1. Численность сибирских ненцев по данным Всероссийской и Всесоюзных переписей конца XIX – первой половины XX в. (по: [Патканов, 1911б, с. 26; Всесоюзная перепись..., 1928, с. 292; Список..., 1928, с. XV; Судьбы..., 1994, с. 279]).

антропонимическая система не предполагала отчества из-за соответствующих запретов, поэтому данные строки оставались незаполненными. В посемейно-хозяйственных бланках 1930-х гг. часто записывалось только имя главы семьи, жена называлась по имени старшего ребенка, например, *Аю небя*, *Ене небя* (мать Аю, мать Ене), иногда – по названию рода, к которому принадлежала до замужества: Вануйто, Сусой, Лапсуй. Незнание переписчиком ненецкого языка и культуры, традиционные запреты произнесения имени человека вслух после определенного возраста или жизненного события и замена его другим приводили к тому, что в переписных документах имя заменялось ненецким термином родства или свойства, употреблявшимся в семье при обращении: *мея*, *няпа* или *няба* (невестка, сноха), *нябако* (старшая сестра), *не* (женщина, жена) и др. В некоторых случаях имена жены, детей и других родственников не указывались совсем.

Что касается возраста, то выделяемые возрастные группы принимают условное значение в первой половине XX в., а для пожилых и старых людей – на протяжении всего столетия. В демографии под возрастом понимается исполнившееся в последний день рождения полное число лет, полученное как ответ на вопрос о дате рождения или, если респондент не знает ее, о числе исполнившихся лет в последний день рождения [Медков, 2002, с. 418]. Ненцы не могли дать точного ответа ни на один из этих вопросов. На количество лет меньше всего обращалось внимание. Возраст человека учитывался только в первые четыре-пять лет жизни, а день рождения отмечался один раз, после того как отпадала пуповина у младенца [Сусой, 1994, с. 36, 50]. Значение придавалось не количеству прожитых лет, а способности человека к выполнению той или иной социальной функции. Согласно ненецким представлениям, для женщин – это способность к деторождению [Харючи, 2001, с. 156]. Некоторую путаницу в подсчет лет вносят различия в длительности «русского» и «ненецкого» года. Последний делится на два периода (зима и лето), каждый из которых рассматривается как целый год [Сусой, 1994, с. 49; Головнев, 1995, с. 302; Хомич, 1995, с. 199]. Доктор М.Л. Шапиро-Аронштам по результатам работ экспедиции Облздравотдела на Приполярном Севере Тобольского окр. в 1926–1927 гг. сообщала, что ненцы «счет знают плохо. О возрасте ребенка сказать не могут. Старики, имея 50 лет, называют цифру 75–100 лет...» (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 78. Л. 30). Кроме того, «самоеды совершенно не представляют счета времени и поэтому не знают возраста. Возраст детей знают только до трех лет. Самоед не может сказать 25 ему лет или 40. Поэтому возраст приходится определять на глаз. <...> Вообще самоеды, тесно соприкасавшиеся с русскими и зырянками, обычно так определяют свой возраст: “Санку Шахова

знаешь, так мой сын родился в тот же год или на год позже...» (Там же. Л. 87 об. – 89).

В инструкциях по заполнению похозяйственной карточки во время проведения Приполярной переписи относительно возраста давались следующие рекомендации: «...возраст для детей моложе года ставится в месяцах и определяется опросом, для старших, где нельзя получить определенного ответа, возраст определяется регистратором по наружному виду опрашиваемого, в пределах до 10 лет однолетних возрастов, от 10 до 29 пятилетних групп и старше 30 лет десятилетних...» (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 181. Т. 1. Л. 105 об.). Коэффициент возрастной аккумуляции, рассчитанный по отношению к возрастам, оканчивающимся на 0 и 5, в 1926 г. равнялся 4 916,6 %, в 1932–1933 гг. – 3 069, для лесных ненцев Верхнепуровского нацсовета в 1934 г. – 1 435,2 %. Возраст людей в группе старше 40 лет представлен в основном такими значениями, как 40, 45, 50, 55, 60, 65, 70, 75 лет. Результатом определения возраста «на глаз» в первой половине XX в. стало появление среди ненцев долгожителей (100 и более лет). В пятилетних и десятилетних группировках возрастная аккумуляция сама по себе снималась (рис. 2). Насколько сильными могли быть искажения половозрастной структуры ненцев из-за приблизительного определения возраста, видно из данных Ямальского окружного статистического управления на 1 января 1932 г. (рис. 3).

Не всегда точной оказывалась такая важная демографическая информация, как состав семьи. В ненецком языке отсутствует термин, обозначающий семью, он заимствован из русского [Dunin-Gorkavič, 1932; Вербов, 1935; Терещенко, 1965, с. 156]. Эквивалентом может быть *мяд'тер* или *мядндер*, что означает «житель чума» [Терещенко, 1965, с. 186]. Переписчики в 1920-х и даже в 1950-х гг. иногда записывали имена и пол членов семьи без указания их родственных отношений к главе хозяйства. Особенностью терминов родства и свойства у ненцев является классификационный характер названий людей старше говорящего в роде мужа или жены, кроме отца и матери, которые остаются индивидуальными [Хомич, 1995, с. 173]. Группа лиц, обозначаемая одним термином, включает представителей двух поколений, остальные родственники называются описательно [Симченко, 1974, с. 271]. В некоторых случаях это приводило к появлению в русских первичных документах ошибочных записей родственников по бо-

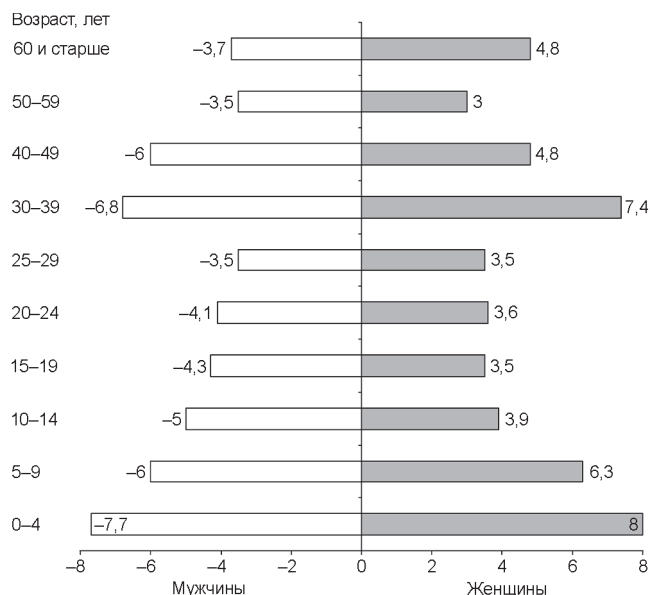

Рис. 2. Распределение самоедов Обдорского р-на по полу и возрасту по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. [1928, с. 292], % от общей численности мужчин и женщин.

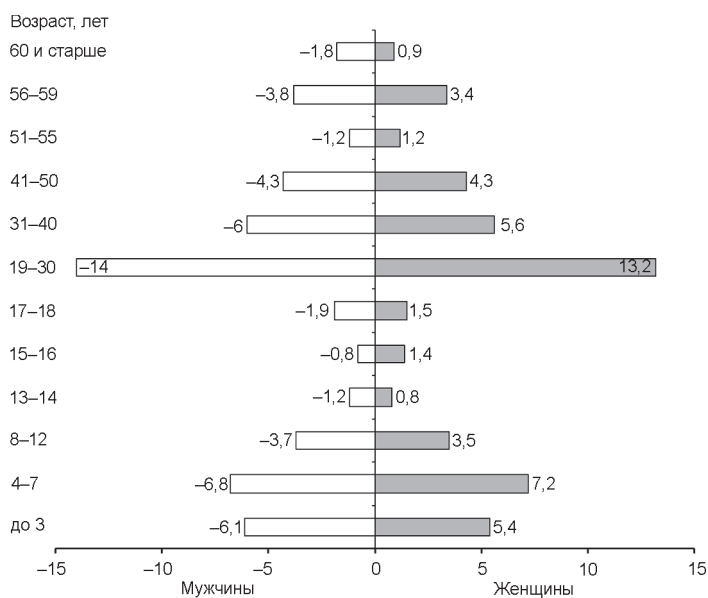

Рис. 3. Распределение тундровых ненцев Ямальского окр. по полу и возрасту по ориентировочным данным Ямальского управления статистики на 01.01.1932 г. (ГАЯНАО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2. Л. 2), % от общего числа мужчин и женщин.

ковой, нисходящей и восходящей линиям. Так, «бабушка» на самом деле могла быть тетей главы семьи или его жены, т.е. старшей сестрой его (или ее) отца или матери, а «дедушка» – дядей. Одинаковое название для детей (*ню* – сын и *не ню* – дочь) и внуков при приблизительном определении возраста приводило к

тому, что у пожилых и старых супругов оказывались малолетние дети. Одним термином обозначались двоюродные братья и сестры (дети младшего брата и младшей сестры отца), племянники (дети старшего брата и сестры) и младшие братья.

Анализ семейного состава показывает, что в первой трети XX в. больше половины семей (до 53 %)

включали родителей с детьми (табл. 2). Существенную долю (до 39 %) составляли различные типы полных сложных семей с разными родственниками. Среди них количественно выделялись трехпоколенные семьи, состоящие из супружеской пары с детьми и одного из родителей, супружеской пары с детьми, одного из родителей и родственниками по боковой линии

Таблица 2. Семейный состав ямальских и лесных ненцев по данным землеустроительных экспедиций первой половины 1930-х гг.*

Тип семьи	Ямальские ненцы		Лесные ненцы	
	Всего семей	Кол-во человек в них	Всего семей	Кол-во человек в них
Всего семей	557	2 912	84	489
Полные простые семьи	296	1 448	40	197
Супружеская пара с детьми	258	1 370	34	182
более одной жены	17	121	4	33
Бездетная супружеская пара	38	78	6	15
более одной жены	2	6	2	7
Полные сложные семьи	193	1 224	33	255
Супружеская пара с детьми и родственники по боковой линии	25	134	8	51
более одной жены	1	6	–	–
Супружеская пара с детьми и внуки	2	15	–	–
Супружеская пара с детьми, внуки, один из родителей супругов	–	–	–	–
Супружеская пара с детьми, внуки, родственники по боковой линии	2	15	–	–
Супружеская пара с детьми, один из родителей супругов	38	213	3	20
более одной жены	2	14	–	–
Супружеская пара с детьми, один из родителей супругов, родственники по боковой линии	21	150	4	28
более одной жены	1	8	1	7
Бездетная супружеская пара и другие родственники	36	136	3	16
более одной жены	3	15	–	–
Две и более супружеских пар с детьми и другие родственники	69	561	15	140
женатые братья	17	133	3	26
родители и женатые сыновья	51	418	12	114
дядя и племянник	1	10	–	–
более одной жены	6	54	3	36
Неполные простые семьи	46	163	7	23
Мать с детьми	34	119	5	17
Отец с детьми	12	44	2	6
Неполные семьи разного типа	22	77	4	14
Мать (отец) с детьми, внуки	2	10	1	6
Мать с детьми, один из ее родителей	1	7	–	–
Отец с детьми, один из его родителей	4	22	–	–
Мать (отец) с детьми и родственники (внуки и один из родителей вместе)	3	10	–	–
Братья, сестры	12	28	3	8

*Составлено по: ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56, 128.

(мать или отец и братья, сестры главы хозяйства), из двух и более супружеских пар. Согласно выявленным посемейно-хозяйственным карточкам, вместе могли проживать родители (одна или две жены у отца) и два сына с женами; иногда два женатых брата, ведущие совместное хозяйство, каждый из которых занимал разные половины в чуме. Такие большесемейные коллективы имели сходные черты с патронимическими объединениями, существовавшими у ненцев в прошлом и зафиксированными в источниках XVII–XIX вв. [Общественный строй..., 1970, с. 197].

Неполные семьи у ямальских и лесных ненцев составляли ок. 12 %. Среди них преобладали семейные группы из матери с детьми, реже отца с детьми, матери с детьми и родственниками, из братьев и сестер. Патриархальный уклад традиционного ненецкого общества отразился в том, что главами неполных семей во всех случаях были мужчины: старший сын или брат женщины. Иногда главе хозяйства могло быть 10 лет.

Браки были как моногамными, так и полигамными. Старость, болезнь супруги, ее бесплодие, потребность в дополнительных рабочих руках при наличии большого хозяйства служили причинами приобретения второй, иногда третьей жены, что могли себе позволить только зажиточные ненцы [Тарасов, 1915; Хомич, 1995, с. 172]. Вторыми женами становились вдовы, сосватанные за женатых младших братьев своих покойных мужей [Митусова, 1929, с. 15]. Мужчина мог жениться на двух родных сестрах (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 78. Л. 88 об.). Все браки носили патрилокальный характер, после свадьбы женщина переходила жить в чум мужа или его родителей. Тем не менее доля полигамных браков неуклонно снижалась. В первой половине 1930-х гг. две или три жены были у 7 % (11 чел.) мужчин бракоспособного возраста лесных ненцев Верхнепуровского сельсовета и у 3,6 % (32 чел.) ямальских ненцев. По материалам Ямальской культбазы, в 1937 г. 40 из 800 мужчин п-ова Ямал имели двух или трех жен; более трех не встречалось*.

Этнографами отмечалось, что для ненцев характерны немногочисленные семьи [Житков, 1913, с. 219; Хомич, 1995, с. 186]. Отец стремился отделить сыновей после их женитьбы в самостоятельные хозяйства [Хомич, 1995, с. 186]. Как правило, с родителями в чуме оставался младший сын [Старцев, 1930, с. 100]. Не случайно среди сложных семей большинство состояли из родителей и сына с женой. Приполярной переписью были выявлены различия в величине оленеводческих, охотничьих и рыболовных хозяйств у народов Севера, среди которых первые были значительно крупнее остальных [Герлецкий, 1932, с. 13]. Согласно «Поселенным итогам» по Обдорско-

му р-ну, средний размер хозяйств оседлых самоедов составил 3,13 чел., полuosедлых – 4,4, кочевых – 5,4 чел. (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 184. Л. 85). Устанавливается следующая зависимость. Хозяйства ненцев, кочевавших в глубине тундры, численно превосходят те, чьи кочевья располагались в прибрежных зонах и в бассейнах крупных рек и озер. Ярким примером может служить средний размер хозяйств, промышленлявших на Песках, – только 4,8 чел. В Гыданско-Тазовском подрайоне выделяются ненцы гыданской тундры, полуостровов Явай, Безымянного, р. Таза, у которых данный показатель превышает 5,9 чел. Вместе с тем у нижнепуровских и надымских ненцев он составил 5,7 и 5,3 чел. соответственно. У ямальских ненцев ниже среднего размер хозяйств, кочевавших в районе от р. Юрибей до р. Еркут, оз. Яррото, Нового порта, где промышленляли в основном малооленные семьи, вынужденные перейти к занятию рыболовством. Все это позволяет утверждать, что перемена хозяйственных занятий и переход на менее подвижный образ жизни самоедами, потерявшими оленей и обедневшими, приводили к уменьшению размера хозяйств. Величина оленеводческих хозяйств обусловлена особенностью хозяйственного цикла, требующего совместного участия большого коллектива [Головнев, Конев, 1989, с. 80–81]. Преимущество в этом случае имели родственные семьи, выступавшие в качестве одной сложной. Одновременно в хозяйстве могли проживать до 16 чел., у тазовских ненцев зафиксировано 19 чел.

Высокая детская смертность приводила к тому, что большинство семей были малодетными [Хомич, 1995, с. 188] (ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 695. Оп. 1. Д. 78. Л. 30). Этнографические и медицинские данные подтверждают материалами статистики (рис. 4). В 1930-х гг. высокая доля детей выявлена в хозяйствах с большим количеством человек за счет сложного состава семей и полигамных браков, повторного брака мужчины после смерти первой жены. Так, на одну нуклеарную семью приходилось в среднем 2,8 детей у ямальских ненцев, 2,5 – у лесных, тогда как в сложных семьях, объединявших более двух супружеских пар, – соответственно 3,2 и 3,7 детей. Полученные показатели свидетельствуют о простом воспроизводстве поколений, обеспечивавшем незначительный прирост численности населения.

В 1920–1930-х гг. ненцы категорично отказывались регистрировать рождение, смерть и брак [Судьбы..., 1994, с. 128, 144, 153]. Приводимые доводы в пользу составления актов гражданского состояния, в частности, о том, что сведения о количестве смертей необходимы для оказания своевременной медицинской помощи кочевому населению в тундре, оставались безрезультатными [Там же, с. 128]. Отказ учитывать умерших объяснялся религиозными мотивами. До сих пор считается тяжелым оскорблением назвать

*Броднев М.М. От родового строя к социализму. Рукопись. – Салехард, б.г. – 432 с. – ГУ ЯНОМВК.

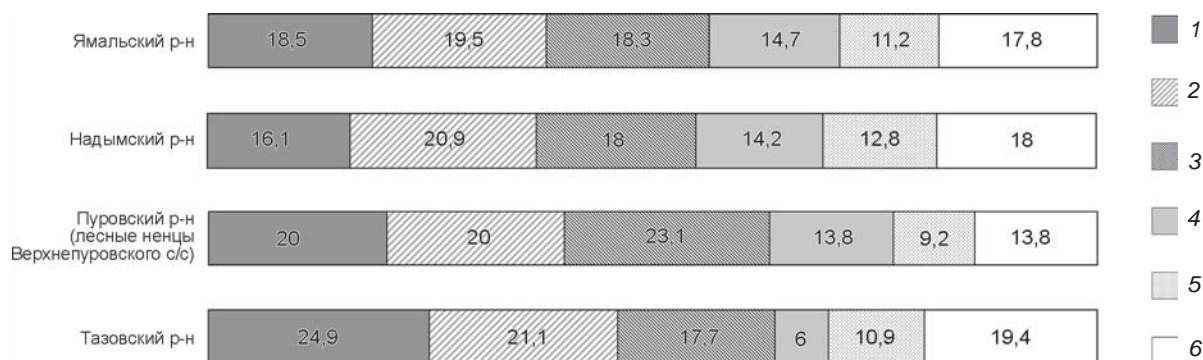

Рис. 4. Распределение хозяйств ненцев по количеству детей (до 16 лет включительно) по данным похозяйственных карточек землеустроительных экспедиций 1930-х гг. (ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56, 90, 91, 128, 135).

1 – один ребенок; 2 – два; 3 – три; 4 – четыре; 5 – пять и более детей; 6 – бездетные.

имя умершего в присутствии живых родственников [Харючи, 2001, с. 154]. Большая часть ненцев полагала, что регистрация браков лишит семьи возможности получать калым за невесту, а мужчин – брать вторую и третью жену [Лёзова, 2001, с. 132]. Положительно высказывались те, кто считал, что это нововведение уменьшит количество побегов и воровства жен [Судьбы..., 1994, с. 128].

Впервые сведения о рождаемости, смертности и естественном приросте самоедов Обдорского р-на были получены в ходе Приполярной переписи по 98,8 % зарегистрированных хозяйств (ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 184. Л. 85). Ценность имеющихся материалов заключается в том, что они единственные характеризуют демографические процессы у обдорских ненцев в первой половине XX в. Это подтверждается анализом материалов ЗАГСа, в которых практически полностью отсутствует соответствующая информация (ГАЯНАО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 2, 66, 77). Тем не менее количество зафиксированных рождений и смертей является заниженным [Смертность..., 1929, с. 32; Терлецкий, 1932, с. 46]. Согласно абсолютным показателям, рождае-

мость и естественный прирост у самоедов выше, чем у остальных этнических групп (табл. 3). Однако не намного от них отличаются показатели у зырян, а в период с 01.10.1925 по 01.10.1926 г. смертность среди них оказалась даже выше, что при разнице в числе учтенных хозяйств почти в 2 раза указывает на неполноту данных по народам Севера. В пользу высокой рождаемости и смертности (среди детей и трудоспособного населения), низкой продолжительности жизни свидетельствуют пропорциональные соотношения детей и стариков в возрастной структуре ненцев, соответствующей прогрессивному типу (табл. 4).

В целом можно отметить, что внедрение новых принципов учета населения в конце XIX – первой четверти XX в. предоставило в распоряжение специалистов качественно иные статистические сведения о ненцах, чем в предыдущий период. Однако проведение всеобщих переписей, регистрации актов гражданского состояния не решили сразу проблему получения достоверных и полных демографических данных о них. Причиной этому служили традиционные представления, связанные с различными

Таблица 3. Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста населения Обдорского р-на по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг.*

Этнос	Число учтенных хозяйств	Из них с учтенным движением населения	Рождаемость		Смертность		Естественный прирост	
			01.10.24–30.09.25	01.10.25–01.10.26	01.10.24–30.09.25	01.10.25–01.10.26	01.10.24–30.09.25	01.10.25–01.10.26
Самоеды	1 385	1 369	241	385	146 (39)**	70 (32)	95	315
Зыряне	767	748	188	241	124 (37)	111 (48)	64	130
Остяки	798	785	174	172	77 (20)	39 (14)	97	133
Русские	314	304	59	60	19 (10)	28 (10)	40	32

*Составлено по: ГАСО. Ф. Р-1812. Оп. 2. Д. 184. Л. 85–86.

**В скобках указано количество случаев детской смертности.

Таблица 4. Демографические характеристики ненцев по данным похозяйственных карточек и посемейно-хозяйственных бланков землеустроительных экспедиций 1930-х гг.*

Демографические показатели	Тазовский р-н	Пуровский р-н (лесные ненцы Верхнепуровского с/с)	Надымский р-н	Ямальский р-н
Кол-во человек	1402	490	1 174	2 935
Мужчины, %	51,0	53,5	51,6	49,9
Женщины, %	49,0	46,5	48,4	50,1
Число мужчин на 100 женщин	104	115	106	99,5
Дети до 12 лет, %	25,6	27,3	36,8	33,3
Мальчики	13,2	15,9	18,7	16
Девочки	12,4	11,4	18,1	17,3
Число мальчиков на 100 девочек	106	139	103,7	91,9
Подростки 12–16 лет, %	10,2	10,8	6,3	7,5
Юноши	5,5	6,5	3,4	4,0
Девушки	4,7	4,3	2,9	3,5
Трудоспособные (старше 16 – –50 лет**), %	60,0	50,2	52,5	46,6
Мужчины	31,0	25,9	28,5	24,1
Женщины	29,0	24,3	24,0	22,5
Число мужчин на 100 женщин в трудоспособном возрасте	106,8	106,7	118,8	107,1
Нетрудоспособные (больные, инвалиды, старики), %	4,2	11,6	4,3	12,4
Мужчины	1,4	5,1	0,9	5,8
Женщины	2,8	6,5	3,4	6,6
Средний возраст, лет	–	25,9	–	26,5
Мужчины	–	24,9	–	26,6
Женщины	–	27,2	–	26,4
Медиана	–	20	–	22
Мужчины	–	20	–	22
Женщины	–	22	–	22
Всего хозяйств	242	85	221	580
В т.ч. с детьми (до 16 лет включительно)	78,9	77,6	78,2	75,5
Среднее число детей в хозяйстве	2,6	2,8	2,9	2,7

*Составлено по: ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56, 90, 91, 128, 135.

**В Ямальском р-не: женщины – 17–50 лет, мужчины – 17–59 лет.

сторонами жизнедеятельности человека в ненецкой культуре, отличные от русской. Языковые различия приводили к тому, что записанная информация представляла собой не то, что сказал опрашиваемый, а то, что смог передать переводчик в пределах своих языковых возможностей. Ситуация усугублялась непониманием необходимости и нежеланием сообщать сведения о себе и своей семье посторонним людям, а также кочевым образом жизни.

Привлечение широкого круга массовых статистических данных и этнографических материалов позволило выявить, что высокий абсолютный прирост, фиксируемый в источниках рассматриваемого периода, является результатом уточнения численности

ненцев, а также ассимиляционных процессов. Рассчитанные демографические показатели свидетельствуют о простом воспроизводстве поколений и отсутствии вымирания.

Список литературы

Алексеева Л.В. Крайний Север в 1917–1941 гг.: по пути советизации (на материалах Ямало-Ненецкого автономного округа). – Екатеринбург: Ин-т ист. и археол. УрО РАН, 2005. – 152 с.

Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. – М.: Наука, 1979. – 244 с.

- Вербов Г.Д.** Краткий ненецко-русский и русско-ненецкий словарь. – Салехард: [Б.и.], 1935. – 180 с.
- Вербов Г.Д.** Лесные ненцы // СЭ. – 1936. – № 2. – С. 57–70.
- Вербов Г.Д.** Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. – 1939. – № 2. – С. 43–66.
- Всесоюзная перепись** населения 1926 г. – М.: Изд-во ЦСУ СССР, 1928. – Т. 4: Вятский район. Уральская область. Башкирская АССР: Народность, родной язык, возраст, грамотность. – 430 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 610 с.
- Головнев А.В., Конев А.Ю.** Община у народов Нижнего Приобья во второй половине XIX – начале XX в. // Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 79–91.
- Долгих Б.О.** Очерки по этнической истории ненцев и энцев. – М.: Наука, 1970. – 270 с.
- Дунин-Горкавич А.А.** Тобольский Север. – М.: Либерия, 1995. – Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения. – 376 с.
- Евладов В.П.** По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1992. – 281 с.
- Житков Б.М.** Полуостров Ямал. – СПб.: [Тип. М.М. Стасюлевича], 1913. – 354 с.
- Курилович А.** Гыданский полуостров и его обитатели // Сов. Север. – 1934. – № 1. – С. 129–140.
- Лёзова С.В.** Северный Ямал: Великое переселение 1947 г. // Самодийцы: Мат-лы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., г. Тобольск). – Тобольск; Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2001. – С. 132–135.
- Медков В.М.** Демография. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 448 с.
- Митусова Р.П.** Год среди лесного народа // Вокруг света. – 1929. – № 14. – С. 12–15.
- Общественный строй** у народов Северной Сибири XVII – начала XX в. – М.: Наука, 1970. – 460 с.
- Отчет** Ямальского (Ненецкого) национального окружного Исполнительного комитета советов о работе за 1931–1934 гг. – Салехард: Изд-во Облсполкома, 1935. – 63 с.
- Патканов С.** О приросте инородческого населения Сибири: Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. – СПб.: [Тип. Имп. Акад. наук], 1911а. – 210 с.
- Патканов С.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). – СПб., 1911б. – Т. 2: Тобольская, Томская и Енисейская губернии. – 436 с. – (Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва по отд-нию статистики; т. 11, вып. 2).
- Петрова В.П.** Волнения ненцев на Ямале // Ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея. 1996. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т, 1998. – С. 100–110.
- Плотников М.** О приросте некоторых северных сибирских туземных племен // Северная Азия. – 1925. – Кн. 4. – С. 9–27.
- Подъячич П.Г.** Всесоюзная перепись населения 1939 г.: (Методология и организация проведения переписи и разработка итогов). – М.: Стат. изд-во, 1957. – 165 с.
- Симченко Ю.Б.** Терминология родства ненцев, энцев, нганасан и юкагиров // Социальная организация и культура народов Севера. – М.: Наука, 1974. – С. 270–291.
- Скалон В.Н.** Оленеводство в бассейне р. Таза (Туруханский край) // Сов. Север. – 1931. – № 3/4. – С. 70–87.
- Смертность** и продолжительность жизни населения Уральской области: По данным разработки Всесоюзной переписи 1926 г. и материалов естественного движения населения. – Свердловск: Изд. Урал. обл. стат. отд., 1929. – 104 с.
- Список** населенных пунктов Уральской области. – Свердловск: Изд. Орготд. Уралоблсполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – Т. 12: Тобольский округ. – XLVI, 232 с.
- Старцев Г.** Самоеды (ненца): Историко-этнографическое исследование. – Л.: Ин-т народов Севера, 1930. – 170 с.
- Судьбы** народов Обь-Иртышского Севера: (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): Сб. документов. – Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. – 321 с.
- Сусой Е.Г.** Из глубины веков. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. – 173 с.
- Тарасов В.** Сообщение о поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С.И. Драчинского в 1913 г. // Ежегодник Тобол. губ. музея. – 1915. – Вып. 24. – С. 1–32.
- Терещенко Н.М.** Ненецко-русский словарь. – Л.: Учпедгиз, 1965. – 318 с.
- Терещенко Н.М.** Собственные имена людей у ненцев // Вопр. финно-угорского языковедения. – 1966. – Вып. 3. – С. 45–53.
- Терещенко Н.М.** Слова табу в ненецком языке // Сов. финно-угроведение. – Таллин: Периодика, 1967. – Ч. 2. – С. 123–129.
- Терлецкий П.Е.** Население Крайнего Севера: (По данным переписи 1926/1927 гг.). – Л.: [Тип. «Коминтерн»], 1932. – 65 с. – (Тр. науч.-исслед. ассоциации Ин-та народов Севера ЦИК СССР; т. 1).
- Туруханская экспедиция** Приполярной переписи: Этнография и демография малочисленных народов Севера: Сб. науч. тр. – Красноярск: Поликор, 2005. – 448 с.
- Харючи Г.П.** Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – 228 с.
- Хомич Л.В.** Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). – Л.: Наука, 1976. – С. 16–30.
- Хомич Л.В.** Ненцы. – СПб.: Рус. двор, 1995. – 336 с.
- Ядринцев Н.М.** Соч. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. – Т. 1: Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. – 480 с.
- Якобий А.И.** Угасание инородческих племен Севера. – СПб.: [Б.и.], 1893. – 68 с.
- Dunin-Gorkavič A.A.** Русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов // Samojedische Wörterverzeichnis: Gesammelt und neu herausgegeben. – Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1932. – P. 150–164.